

«Матвей, я люблю тебя... Я очень тебя люблю. И знаю — ты тоже любишь меня. Казалось бы — вот оно, наше счастье... Но прошу тебя, не сердись, не обижайся, когда будешь читать это письмо. Обещаешь, правда?

Еще в детстве я прочитала где-то, что каждому положена только одна главная встреча своего человека, любимого, единственного, — по праву рождения. Но только одна, понимаешь? И нельзя ее пропустить... Нельзя, чтобы она мимо прошла, а человек не заметил, не увидел, не понял... И, что бы мне ни говорили, я свято верила, что эта встреча у меня будет. Судьбой положена, предназначена.

Так случилось, да... Случилось, что мы с тобой увидели друг друга, все поняли, не пропустили. Нам повезло. Это счастье, Матвей. Ты — мой, а я — твоя. Мы — избранные. И это счастье всегда будет с нами, что бы ни произошло, как бы мы ни были с тобой разделены, ведь правда?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

И потому... Не сердись на меня, пожалуйста! Как это ни странно звучит, но... Если мы все про себя знаем теперь, нам и расстаться легче, Матвей. Так надо. Ты же понимаешь. Счастьем не страшно, когда оно жертвует собой ради счастья других. Я очень люблю свою маму, и я должна... Пусть она будет счастлива. Она тоже любит, она тоже имеет право...

Это мой выбор, Матвей.

Не ищи меня, ладно? Я уеду. Я всегда буду любить тебя. Помни это, пожалуйста. Ты мой единственный... Тот самый, по праву рождения.

Прости, что не объяснила тебе всего этого там, на крыше... Я не могла. У меня бы не получилось, недостало бы сил. Письмом как-то легче.

Прощай. Твоя Анеля. Навсегда твоя».

* * *

Маргарита Сергеевна сидела за столом, подперев щеку ладонью, с улыбкой смотрела на внучку. И в который уже раз думала про себя: хороша как, чертовка! Вроде гадким утенком росла, худеньким заморышем, а теперь, смотри-ка, белым лебедем вылупилась. Век бы смотрела, и насмотреться бы не хватило! Да и вообще... Если со стороны на них посмотреть сейчас...

До чего же вся эта картинка милотой смотрится! Сердце радуется! Дорогая внучка Анеля при-

По праву рождения

шла навестить в кои-то поры, и сидят они вдвоем, чаевничают тихо. Можно сказать, слишком тихо. Будто обе боятся эту благословенную тишину единения разрушить. Ведь как ни крути, а любое словцо преувеличением будет казаться. И это еще хорошо, что уговорила милую внученьку кусок пирога съесть, обычно ведь не заставишь...

Да и не скажешь, что Анеля этот пирог ест. Просто жует равнодушно, чтобы ее не обидеть. Жует и молчит. Вот заговори с ней сейчас — наверняка не услышит. Вся в себе, в мыслях-фантазиях варится. Такие глаза, будто слепые... И тоже будто в себя смотрят. Нет ее, нет... И в кого она такая выросла, марсианка большеглазая? И что дальше будет, как суровая жизнь с ней обойдется, даже подумать страшно...

Маргарита Сергеевна вздохнула, провела сухой ладонью по столешнице, проговорила тихо:

— Да уж... Сижу сейчас, смотрю на тебя и думаю... Как ты жить-то будешь, Анеля? Не знаю даже... Такая ты...

— Какая? — эхом откликнулась Анеля и даже изобразила на лице нечто похожее на удивление. То есть подняла брови, оттопырила нижнюю губу и сдула упавшую на глаза легкую русую прядку.

— Да такая вот... Сама знаешь какая... К жизни не приспособленная. Ты ее будто и не видишь, жизнь-то. Будто обтекаешь ее легкомысленно. Сейчас-то, конечно, можешь себе позволить...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А потом? Когда надо будет в эту самую жизнь штопором ввинчиваться, зубами ее грызть?

— А зачем ее грызть, бабушка? Не хочу я грызть...

— Ну, не грызть. Замечать хотя бы. Учиться за себя постоять, не дрожать перед каждой дверью.

— А я дрожу?

— Да ты и под дверью еще не стоишь, если на то пошло. Надо заранее смелость в себе вырабатывать, зоркость, выходить надо из фантазий своих! Социум любит смелых и решительных, которые все видят, которые ухо с глазом рвут! Которые любую дверь ногой открыть могут!

— Ой, ну и выражения у тебя, бабушка! — тихо засмеялась Анеля, откидывая голову назад. — Прямо хоть записывай за тобой, честное слово! Дверь ногой открывают, ухо с глазом рвут... Я прям представила даже, как это ухо вместе с глазом летит в сторону!

— А ты давай не смейся, ты лучше прислушайся к тому, что тебе говорят!

— Зачем, бабушка? Я все равно так не умею и не хочу... И вообще... Зачем дверь ногой открывать, если ее и рукой открыть можно? Нет, не хочу...

И что, что ей на это ответить? Ведь правда — рукой открыть можно. И даже нужно, если по большому счету. Но если бы все в нынешней жизни было устроено так, чтобы по большому и правильному счету... Ведь нет! Жизнь нынче другая,

По праву рождения

любит именно тех, кто ногой может любую дверь открыть! А тех, кто не может, так и вовсе не жалуется! Не хочешь ногой, стучишь в нее робко — так и не жди, значит, что она перед тобой распахнется!

— Дело не в твоём хотении, Анеля... Понятно, что ты не хочешь. И многие не хотят. Дело в том, что не можешь. Не умеешь... Зоркой наглости в тебе нет, необходимой для жизни, понимаешь? Вот что меня беспокоит, дорогая моя внученька.

— Хм... Ты хочешь сказать, что родители меня неправильно воспитали?

— Нет, не это я хочу сказать... Воспитание тут ни при чем. Просто... Просто мне жалко, что тебе не мамины гены достались.

— А мама, значит, такая? Ухо с глазом рвет, да? — насмешливо спросила Анеля.

— Да, мама у тебя такая... Может, и не рвет ничего, но коня на скаку остановит. И не только остановит, но и вспрыгнуть на него сумеет! И в горящую избу тоже... Если надо... А в тебе ничего этого нет, тебе не досталось. А жаль...

— А, поняла... Ты хочешь сказать, что у меня папины гены, да?

— Да, папины. Все к тебе перешли, до последней крошечки. И это не есть хорошо, вот в чем дело...

— Ну, бабушка... Не понимаю тебя. Папа же твой сын, а ты о нем говоришь... будто с сожалением.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да почему сразу с сожалением? Нет... Нет, конечно. Просто я констатирую факт... Да, ты вся в папу... Он такой же в твоём возрасте был. Да и сейчас тоже...

— Ну какой? Какой он, бабушка?

— Да такой вот... Из общего строя выбившийся. Рукой на себя махнувший.

— По-моему, с папой все хорошо... Живет своей жизнью и радуется. Как ему хочется, так и живет.

— Ну, допустим, это только звучит красиво. В этих самых новомодных тенденциях и звучит. Мол, надо жить так, как хочется.

— А разве это неправильно, бабушка?

— Нет. Неправильно. Потому что папа твой неудачник по большому счету. Потому что не смог натуру свою преодолеть. Он же... Он же внутри себя просто цветок нежный... А мужику не полагается цветочную душу иметь, ему камень внутри иметь надо, железобетон! Чтобы вперед идти, добиваться чего-то!

— Ой, бабушка... Ну что ты прям зациклена на этом стремиться и добиваться! Чем плохо цветочную душу иметь?

— Да я ж не говорю, что плохо... Я говорю, что жить с ней трудно. В любой момент можно под чужим сапогом оказаться, который этот цветок раздавит походя.

— Выходит, и я цветок, да?

По праву рождения

— Конечно, еще какой... Сразу цветком родилась. У тебя натура, как нежная хризантема. И сама ты как хризантема... Любоваться на тебя можно, а трогать нельзя. Ну что ты смеешься, что? Разве я не правду сейчас говорю, Анеля?

— А может, мне нравится быть цветком, бабушка? И осознавать себя именно так... Нравится?

— А кому ж не нравится? Все бы хотели... Да только не все себе такое удовольствие могут позволить! Вернее, жизнь позволить не может... Ей ведь наплевать, как ты себя ощущаешь, ей главное, как ты с препятствиями борешься, которые она не устает перед тобой выстраивать! Вот потому я и боюсь — как ты жить будешь... Ветер холодный подует — и снесет хризантему к чертовой матери!

— Понятно... Вот и мама говорит, что я вся в папу... Особенно когда бывает мной недовольна.

— А ее-то он чем обидел, интересно? — обиженно произнесла Маргарита Сергеевна, пожав плечами. — По-моему, наоборот все было... Хотя я твою маму могу понять, что ж. Мало любить женщину, надо еще и силу характера ей демонстрировать. А мой Ваня... Да, он умный, тонкий, ранимый... А, да что там говорить, господи...

Маргарита Сергеевна махнула рукой, вздохнула, замолчала. Анеля смотрела на нее озадаченно, не зная, что сказать. Потом произнесла осторожно:

— Так ты ж его сама таким воспитала, он же твой сын... А теперь так говоришь, будто мама в их

ВЕРА КОЛОЧКОВА

разводе виновата. По крайней мере, нотки у тебя в голосе такие...

— Да ничего я такого не говорю, не придумывай! Я ж тебе объясняю, что человеческая природа от воспитания не зависит! Кто родился хризантемой, тот всегда хризантемой и будет. А кто родился чертополохом, тот любой камень снесет с дороги и через асфальт пробьется! И сам себе все добудет, перед всеми ветрами устоит. Вот твоя мать — чистый чертополох, тут уж ни убавить, ни прибавить!

— Ты сейчас опять про нее с обидой говоришь, бабушка!

— Да нет, что ты... Это я просто так удивляюсь, как ее угораздило за моего Ваню замуж выйти? С Ваней-то все понятно — он любил... И до сих пор любит...

— Думаешь, любит? — тихо спросила Анеля.

— Конечно. Еще как любит. И не хотел бы, а любит.

— Как ты странно говоришь, ба...

— А чего странного ты услышала?

— Ну, что не хотел бы... Разве можно не хотеть, но любить?

— Можно. Еще как можно. Только не каждый с таким положением дел соглашается. Ну да ладно, оставим этот никчемный разговор... Скажи лучше, как у тебя складываются отношения с этим мальчиком... Кажется, Егором его зовут?

По праву рождения

— Да никак. Вроде и есть эти отношения, и вроде их нет. Даже не знаю, как тебе ответить.

— Но он же вроде нравился тебе поначалу? Симпатичный такой...

— Да, внешне вполне симпатичный. А на самом деле он одноклеточный, ба. Скучный до ужаса.

— Что, книжек совсем не читает? — с явной иронией в голосе спросила Маргарита Сергеевна.

Анеля, конечно же, уловила эту иронию, глянула на бабушку с удивленной досадой. И произнесла тихо:

— Да не в книжках дело, ба... Хотя... И в них тоже, если честно. Он и правда ничего не читает, он только в телефоне все время сидит. Везде в Сети зарегистрировался и теперь считает святой обязанностью все отслеживать и везде след свой оставить. Знаешь, как собака... Она тоже озабочена обязательной меткой под каждым кустиком...

— Эк ты о нем, Анеля! Нехорошо, знаешь ли! — едва сдерживая смех, покачала головой Маргарита Сергеевна. — Больно уж строга, матушка! Тем более все теперь этой заразе подвержены!

— Да я разве против? Ради бога... Только он ведь и ко мне все время с расспросами пристает, почему я так же не делаю. Ну... Вроде как я ненормальная какая-то. Белая ворона. Я начинаю объяснять, почему этого не делаю, а он еще больше возмущается!

— А как ты ему объясняешь?